

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА XVIII–XX ВВ.

УДК 81-112

З. К. Тарланов

К ИСТОРИИ НОРМ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ПУШКИНСКОГО ПЕРИОДА
(РОД И ЧИСЛО)

Российская правовая академия, Северный филиал, Российская Федерация, Республика Карелия, 185034, Петрозаводск, ул. Онежской флотилии, 51

В статье рассматриваются колебания родовых форм и форм числа субстантивов (как заимствований, так и исконно русских слов) в языке критических статей авторов пушкинского периода в аспекте формирования стилистических норм национального русского литературного языка, что позволяет воссоздать картину слабых звеньев в структуре русского литературного языка первой четверти XIX в., проследить последовательность в создании литературных норм и увидеть остроту борьбы между новым и традиционным в процессах обновления и универсализации литературного языка, в том числе и его критико-публицистического стиля. Библиогр. 32 назв.

Ключевые слова: русский литературный язык, пушкинский период, формы рода и числа, варианты, колебания, стиль, норма, система.

TO THE HISTORY OF LITERARY RUSSIAN STANDARDS OF PUSHKIN'S PERIOD
(GENDER AND SINGULAR / PLURAL FORMS)

Z. K. Tarlanov

The Russian Law Academy, the Northern affiliation, 51, ul. Onezskoj flotilla, 185034, Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russian Federation

The article treats both the point of some gender forms' variations and the substantives' singular / plural form uncertainty (in borrowings and originally Russian words) in Pushkin's period literary criticism language in the aspect of literary Russian stylistic standards' forming. This analysis allows to restore the weakest items in the structure of Russian literary language of the first quarter of the 19th century, to trace the general routes in the forming of literary standards and to see the sharp struggle between the traditional and new forms during the renovation and universalization of the literary language and its critical and journalistic style. Refs 32.

Keywords: literary Russian, Pushkin's period, gender and singular / plural forms, variants, variations, style, standard, system.

Колебания в определении грамматического рода и родового оформления существительных — это один из грамматических парадоксов активно формировавшегося публицистического стиля русского литературного языка пушкинского периода, демонстрировавший пульс живых языковых процессов, этапы, предшествующие образцовому узусу, подкрепленному культурными традициями.

При этом речь идет не только о колебаниях в родовых формах и оформлении родовых форм заимствованных слов, для которых они вполне естественны и понят-

ны, но также о родовой принадлежности слов собственно русского происхождения, слов, произведенных морфологическим путем на собственной основе, ср.: «Рогдай кончил *ролю* свою в поэме так, как он кончил бы ее в свете, то есть погиб, готовя погибель ближнему» [1, с. 55]; «Гаврила Пушкин играет весьма *презрительную ролю*» [2, с. 267]; «Борьба его с самим собою; решение продолжать прежнюю *ролю*...» [3, с. 229]; «Неужели вы думаете, что предмет играет в этом случае главную *ролю*?» [4, с. 37].

Слово *роль* (от фр. *role*) с нулевой флексией женского рода в И. п. ед. ч., ставшей нормой национального литературного языка, вообще не зафиксировано в рассматриваемых текстах.

Однако форма с флексией *-а*, в И. п., по-видимому, просуществовала в литературной речевой практике недолго.

Об этом свидетельствует, например, и тот факт, что в третьем издании Словаря заимствованных слов в русском языке, опубликованном в 1879 г., форма *роля* не только не дается как вариант, допустимый в русской литературной речи, но в целом квалифицируется как принадлежность малороссийского языка [5, с. 248].

Аналогичны колебания в родовой отнесенности и существительного *мозаика*, заимствованного из итальянского (*mosaic* [6, т. 2, с. 287; 7, с. 255]) с сохранением мужского грамматического рода в языке-источнике: «Это *мозаик*, неудачно *слепленный*; это собрание нескольких холодных исторических сцен, введенных опрометчиво...» [8, с. 38].

В Словаре В. И. Даля слово *мозаика* зафиксировано уже в том облике и роде [9, с. 338], которые утвердились в русском национальном языке в качестве его литературной нормы.

В анализируемых текстах примечателен и отглагольный субстантив женского рода *намек*, который вполне обоснованно может быть возведен к безаффиксному образованию от основы глагола *намекать*: «Вот это уж *намек* *неблагонамеренная* и совершенно *неосновательная!*» [10, с. 252].

В пользу естественности именно такого пути его происхождения свидетельствуют обычные для русского языка производные слова типа *задира* от *задираться*, *заика* от *заикаться*, *ссора* от *ссориться* и др.

То же производное слово *намек*, включенное в субстантивную парадигму мужского рода, органично вписывается в ряд однокоренных производных основ типа *упрек*, *попрек* и др., укладываясь в единую словообразовательно-грамматическую группу существительных.

Однако в статье П. А. Вяземского, как, впрочем, и в других случаях аналогичного типа, относящихся к первой трети XIX в., то же самое слово представляет собой, по-видимому, не отглагольный субстантив, произведенный по нормам русского субстантивного словообразования, а *кальку* французского слова *allusion*, от которого сохраняется и грамматический род.

Калька французского слова, зародившись раньше по времени, не устояла, однако, против закономерно образовавшегося и системно поддержанного родного деривата *намек* и была окончательно вытеснена из языка в процессе подсознательной селекционной деятельности его носителей.

Аналогично, по всей вероятности, обстоит дело и со словом *оттенка* с его женским грамматическим родом, представляющим собой кальку французского слова *nuance* с сохранением рода в языке-реципиенте: «Ибо многие, как, вероятно, извест-

но г. рецензенту, находят большое сходство между всеми его героями, *видят одну оттенку* во всех его чувствах...» [11, с. 143].

Упомянутое французское слово (*nuance*) интересно, между прочим, и тем, что оно было заимствовано русским языком, по-видимому, дважды: в первом случае — в виде семантической и грамматической кальки, а во втором — в виде обычного транслитерированного заимствования с заменой женского рода на мужской по формальным требованиям заимствующего языка.

На транслитерированное заимствование равняется позже и калька, принимая соответственно и его грамматический род. При этом одно и то же французское слово, перешедшее в русский язык последовательно в результате калькирования и транслитерирования, вызывает к жизни в последнем два одинаково употребительных синонима, почти не отличающихся стилистическими предпочтениями.

Аналогично обстоит дело также со словом неизвестного происхождения *чучело*, употребляемом в женском роде, и греческим заимствованием *эгида*, в данном случае попавшем в русский через посредство французского языка и поэтому отнесенном к существительным мужского рода: «...мы напишем друг другу по посланию, по надписи, по загадке (при посылке *какой-нибудь чучелы*, книги, альбома)...» [12, с. 317]; «Но мы уже далее писать не можем... .. и спасаемся под *эгид* до следующего №» [13, с. 240]; «...кто же управлял бунтом, если Пугачев был не что иное, как *чучела*?» [14, с. 80].

В принципе подобным образом могут быть прокомментированы и следующие пары слов, которые, представляя одну и ту же предметную отнесенность, оказываются разными по грамматическому роду: *Перло*, *перл* (франц. *perle*, см., напр., [15, т. 2, с. 44]): «Но в четвертой части стихотворений Пушкина есть одно драгоценное *перло*, напомнившее нам его былую поэзию, напомнившее нам бывшего поэта: это “Элегия”» [16, с. 118], «Это истинное *перло* поэзии как по глубокой поэтической мысли, так и по простоте, благородству и высоте выражения» [17, с. 145].

Фарса, *фарс* (франц. *farce*): «В крике <...> один жалкий эпизод фр<анцузской> р<еволюции> — гадкая *фарса* в огромной драме» [18, с. 303]. В этой паре слов, как и в предыдущей, в конечном счете побеждает мужской род.

Цыфр, *цифра*: «*Цыфр*, означающий ссылку на замечание, есть опечатка» [19, с. 175]. В данном случае родовые варианты одного и того же арабского слова в русском сложились, по-видимому, в результате его заимствования через польский (*cyfra*) [6, т. 4, с. 648], давший женский род, и немецкий (*ziffer*) [20, т. 4, с. 303] или английский (*cipher*) [15, т. 2, с. 51] — мужской род от арабского *sifrun* ‘нуль’ (в арабском это слово мужского рода).

Таким образом, варианты родовых форм существительных, представляющих родовую их принадлежность, в русских критико-публицистических текстах 20–30-х годов XIX в. вполне обычны и чаще всего отмечаются у заимствований, либо одновременно попавших в русскую лексическую систему из разных языков-источников, либо через посредство третьего языка.

Подобного рода варианты, однако, не чужды и исконно русским словам, если они оказываются втянутыми в процессы калькирования или межъязыковой интерференции (ср. слова *намека*, *оттенка* и др.), неизбежной в культурно-языковой ситуации в условиях своеобразного двуязычия в русской дворянской среде первой половины XIX в. (см. об этом: [20; 21]). Очевидно также, что вариативность слов по

родовой отнесенности, как и прочие аналогичные явления, преимущественно характеризует литературный язык на стадии его активного становления¹, когда поиск и открытие новых выразительных средств языка диктуются интересами общественного и культурного развития.

Колебаниям в роде подвержены слова независимо от того, являются ли они заимствованиями или результатом словопроизводства (где не всегда прослеживаются строгие закономерности, ср., например, род производных отглагольных субстантивов: *поехать* — *поездка*, *переехать* — *переезд*, *записаться* — *запись* и т. п.).

Как убедительно писал А. А. Шахматов, «родовые грамматические представления в их распространении зависят» почти полностью от окончаний [22, с. 447; 23, с. 58–60], т. е. крайне формальны. Отсюда следует также и тот вывод, что родовые формы неличных слов в современном русском языке не соотношены с социальным восприятием их лексических значений.

В языке и формирующемся критико-публицистическом стиле русского литературного языка пушкинской поры обращают на себя внимание и колебания в формах числа существительных, которые предстают неустоявшимися и не мотивированными традициями речевой культуры.

В образовании и употреблении форм числа существительных отмечаются самые разные и подчас невероятные варианты.

А. Формы ед. ч. существительного *господин* в сочетании с местоимением *оба*, образованные от старой основы [24, т. 1, с. 565] без суффикса единичности: «*Оба господа* сии, вероятно, теперь вступят в ученую переписку...» [25, с. 82] (ср. *оба господина*).

Сочетание *оба господа* не имело, разумеется, системно поддерживаемых шансов закрепиться в языке не только потому, что лишено было функциональной отчетливости, но и потому, что усугубляло картину уже существующей и в принципе нежелательной грамматической омонимии. Ср. форму множественного числа именительного падежа того же слова — *господа* (с ударением на последнем слоге) и форму родительного падежа одного из имен бога в христианской религии.

Б. Употребление абстрактных субстантивов во множественном числе вопреки их семантико-грамматической природе, не предусматривающей форм множественного числа, ср.: «Вступите в круг наших обществ, светских, блестящих, но столь прозаических; следуйте за общими или частными разговорами, столь ничтожными, столь бездушными, — что может в них воскресить дух писателя, с участием говорить его уму или сердцу, питать возвышенные понятия о *пользах жизни*, о достоинствах человека, о других важных предметах?» [26, с. 314].

Судя по контексту, в данном случае форма числа выступает все же в качестве средства создания иронии, выполняя тем самым важную стилистическую функцию. Это случай, когда грамматическое отклонение оказывается востребованным стилистикой, целеустановкой речевой прагматики говорящего.

Иного плана следующие случаи, в которых стилистика не принимает участия: «Картина отъезда чрезвычайно жива: хлопоты, *суеты*, беготня, прощанье...» [27, с. 30]; «...*самые нелепые клеветы* летописей повторяются» [3, с. 220].

¹ Показательно в этом отношении то, что колебания в роде в русском языке А. А. Шахматов иллюстрирует преимущественно материалами, хронологически не выходящими за пределы первой половины XIX в. [22, с. 447–449].

В. Совмещение семантики *новой формы множественного* числа существительных с семей воспроизводимой *древней собирательной* формы: «А между тем — не *ваша ли братья* называла прежде школьным дурачеством всякое покушение подводить произведения новейшей романтической поэзии под разрядный список старинных классических учебников?» [28, с. 73] (ср.: *братия* и *братья*).

Г. Употребление во множественном числе и склонение по парадигме множественного числа абстрактных существительных, которые по семантическим признакам не могут иметь множественного числа и склоняться: «Последний [Пушкин] поместил здесь перевод сцены из Вильсоновой трагедии “The City of the Plague” (“Чумный город”), не понятно, *по каким уважениям* обративший на себя внимание и выбор поэта» [29, с. 141].

Д. Употребление в единственном числе лексикализовавшихся грамматических форм существительных во множественном числе, являющееся архаичным [6, т. 3, с. 380] для рассматриваемого периода: «*Нет прения* [прений] без двух противных сторон...» [18, с. 305].

Варианты родовых форм и форм числа существительных в текстах критических статей о творчестве А. С. Пушкина вместе с другими языковыми особенностями именных классов слов в этих текстах [30–32] позволяют, во-первых, воссоздать общую картину наиболее слабых звеньев в структуре русского литературного языка первой четверти XIX в.; во-вторых, проследить последовательность в создании и отборе литературных норм, поддерживаемых языковой системой; и, в-третьих, увидеть все еще заметную обращенность языковых вкусов образованных слоев общества в прошлое и остроту борьбы между новым и традиционным в процессах обновления и универсализации литературного языка, в том числе и его критико-публицистического стиля.

Литература

1. *Войков А. Ф.* Разбор поэмы «Руслан и Людмила», соч. Александра Пушкина // Пушкин в прижизненной критике: в 4 т. 2-е изд., испр. и доп. / Пушкинская комиссия Российской академии наук; Государственный пушкинский театральный центр в Санкт-Петербурге. СПб.: Государственный пушкинский театральный центр, СПб., 2001. Т. 1: 1820–1827. С. 36–68.
2. Мнение барона Е. Ф. Розена о драме А. С. Пушкина «Борис Годунов» // Там же. Т. 3: 1831–1833. 2003. С. 259–269.
3. *Полевой Н. А.* «Борис Годунов». Сочинение Александра Пушкина // Там же. Т. 3: 1831–1833. 2003. С. 201–229.
4. *Полевой Н. А.* О новом направлении в русской словесности // Там же. Т. 4: 1834–1837. 2008. С. 35–42.
5. Новый словотолкователь 53 900 иностранных слов, пришедших в русский язык. Изд. 3-е, всяма доп. и испр. / под ред. Лучинского. М.: Тип. Ф. Иогансон, 1879–1880.
6. Словарь русского языка. В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М., 1983–1984.
7. Краткий словарь иностранных слов. М., 1952.
8. *Олин В. Н.* «Борис Годунов», сочинение А. Пушкина // Пушкин в прижизненной критике. Т. 3: 1831–1833. 2003. С. 38–40.
9. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1955.
10. *Вяземский П. А.* Жуковский. — Пушкин. — О новой пиитике басен <Отрывок> // Пушкин в прижизненной критике. 2001. Т. 1: 1820–1827. С. 252–253.
11. *Киреевский И. В.* О разборе «Полтавы» в 15 № «Сына Отечества и Северного архива» // Пушкин в прижизненной критике. 2001. Т. 2: 1828–1830. С. 142–145.
12. Из журнала «Московский телеграф». Отрывки из нового альманаха «Литературное зеркало» // Пушкин в прижизненной критике. 2001. Т. 2: 1828–1830. С. 317–318.

13. Шаликов П. И. // Пушкин в прижизненной критике. 2003. Т. 3: 1831–1833. С. 237–242.
14. Розен Е. Ф. «История пугачевского бунта», соч. А. Пушкина // Пушкин в прижизненной критике. 2008. Т. 4: 1834–1837. С. 79–82.
15. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка: в 2 т. М., 1910–1914.
16. Белинский В. Г. Ничто о ничем, или отчет г. издателю «Телескопа» за последнее полугодие (1835) русской литературы // Пушкин в прижизненной критике. 2008. Т. 4: 1834–1837. С. 116–118.
17. Белинский В. Г. Несколько слов о «Современнике» // Пушкин в прижизненной критике. 2008. Т. 4: 1834–1837. С. 144–149.
18. Болдинские полемические заметки Пушкина. Опровержение на критики // Пушкин в прижизненной критике. 2001. Т. 2: 1828–1830. С. 283–308.
19. Пушкин А. С. Об «Истории пугачевского бунта» // Пушкин в прижизненной критике. 2008. Т. 4: 1834–1837. С. 168–179.
20. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. IV. М., 1973. С. 175.
21. Тарланов З. К. 1) Принцип паритетности в двуязычии и многоязычии: мифы и реальность // Филологические науки. 2009. № 6. С. 71–75; 2) Феномен двуязычия: к определению природы и параметров // Филологические науки. 2010. № 1. С. 13–15.
22. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.
23. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947.
24. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. В 3 т. Т. I. СПб., 1893.
25. Перовский А. А. Замечание на письмо к сочинителю критики на поэму «Руслан и Людмила» (Письмо к издателю) // Пушкин в прижизненной критике. 2001. Т. 1: 1820–1827. С. 82–85.
26. Измайлов В. В. Краткое обозрение 1826 года // Пушкин в прижизненной критике. 2001. Т. 1: 1820–1827. С. 313–314.
27. Сомов О. М. Обозрение российской словесности за вторую половину 1829 и первую 1830 года // Пушкин в прижизненной критике. 2003. Т. 3: 1831–1833. С. 29–30.
28. Надеждин Н. И. «Борис Годунов». Соч. А. Пушкина // Пушкин в прижизненной критике. 2003. Т. 3: 1831–1833. С. 67–82.
29. Из «Молвы». «Альциона», альманах на 1832 год. Издан бароном Розеном // Пушкин в прижизненной критике. 2003. Т. 3: 1831–1833. С. 141.
30. Тарланов З. К. Относительные прилагательные и абстрактные субстантивы в русском литературном языке XIX века // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2013. № 49. С. 98–103.
31. Тарланов З. К. Абстрактные субстантивы в их отношении к норме (к истории русского литературного языка Пушкинского периода) // Слово. Словарь. Словесность. Коммуникация. Текст. Синтаксис (К 90-летию со дня рождения С. Г. Ильенко). Материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 13–15 ноября 2013 г. СПб.: «САГА», 2013. С. 49–54.
32. Тарланов З. К. Заметки о русском литературном языке пушкинской поры // Русская речь. № 5. С. 68–73.

Статья поступила в редакцию 22 августа 2014 г.

Контактная информация

Тарланов Замир Курбанович — доктор филологических наук, профессор; sfrpa@onego.ru
Tarlanov Zamir K. — Doctor of Philology, Professor; sfrpa@onego.ru